

Дементьева В.В.

Причины введения должности консулярных трибунов в римскую конституцию

[Stable URL: <http://elar.uniylar.ac.ru/jspui/handle/123456789/2158>]

[Публикация работы:]

Дементьева В.В. 2000: Причины введения должности консулярных трибунов в римскую конституцию // IVS ANTIQVVM. Древнее право. 1 (6), 86-97.

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ
ЦЕНТР АНТИКОВЕДЕНИЯ
ЯРОСЛАВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
ЯРОСЛАВЛЬ, РОССИЯ

THE SCIENTIFIC & EDUCATIONAL
CENTRE FOR CLASSICAL STUDIES
AT YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY
YAROSLAVL, RUSSIA

DAS WISSENSCHAFTLICHEN FORSCHUNGS- UND
STUDIENZENTRUM FÜR DIE GESCHICHTE,
KULTUR UND RECHT DER ANTIKE
DER STAATLICHEN DEMIDOW-UNIVERSITÄT JAROSLAWL
YAROSLAWL, RUSSLAND

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ
АНТИКОВЕДОВ
RUSSIAN SOCIETY OF CLASSICAL STUDIES

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ И
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ФОНД
«ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ РИМСКОГО ПРАВА»
ЯРОСЛАВСКИЙ ФИЛИАЛ
THE RESEARCH AND EDUCATIONAL FOUNDATION
“THE CENTRE FOR ROMAN LAW STUDIES”
YAROSLAVL BRANCH

ЯРОСЛАВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY

В. В. ДЕМЕНТЬЕВА*

ПРИЧИНЫ ВВЕДЕНИЯ ДОЛЖНОСТИ КОНСУЛЯРНЫХ ТРИБУНОВ В РИМСКУЮ КОНСТИТУЦИЮ

Коллегиальная магистратура *tribuni militum consulari potestate* была создана в качестве особого звена римского конституционного устройства в середине 40-х гг. V в. до н. э. Что заставило римлян ввести в это время в государственную практику новую высшую должность, что послужило побудительными мотивами для ее оформления? Какими потребностями общественной жизни *civitas* было обусловлено ее возникновение? Эти вопросы являются принципиальными уже потому, что относятся к исторической реконструкции такого важного процесса, как формирование политической системы республиканского Рима, структур ее исполнительной власти. Естественно, что задавались этими вопросами многие исследователи, формулируя причины возникновения консульского трибуната в активной полемике друг с другом. Концепций по этому поводу высказано достаточно, перейдем к их изложению и разбору.

Одной из традиционных точек зрения на проблему является представление о том, что консульный трибунал был вызван к жизни сословной борьбой плебеев с патрициями, явившись компромиссом в борьбе за доступ плебеев к консулату (сохранив для себя консулат, патриции пошли на уступку в виде создания новой, предполагавшей участие плебеев, высшей магистратуры) и тем самым их достижением, обозначившим определенный этап в противостоянии сословий. Это мнение, высказанное во второй половине XIX в. такими крупными исследователями, как Б. Нибур, А. Шwegлер, Т. Моммзен, Л. Ланге и Э. Херцог, было затем поддержано Г. Де Санктисом, Ф. Де Мартино и другими антиковедами¹. При этом, конечно, в трактовке каждого из сторонников данной концепции имелись свои нюансы. Так, например, Б. Нибур рассматривал создание консульного трибуната как развитие тенденции, заложенной, по его мнению, децемвиратом, когда единое патрицианско-плебейское правительство в виде десятичленной коллегии превратилось в три должности, в совокупности также имевшие десять мест (шесть консульских военных трибунов, два цензора и два квестора)². Если по Б. Нибуру таким образом получалось, что консульский трибунал, являясь достижением в сословной борьбе, был развитием возникшей в середине V в. до н. э. формы патрицианско-плебейского управления общиной, то в соответствии с точкой зрения А. Шwegлера связь с децемвиратом по этой линии (десять магистратов, представленных патрициями и плебеями) не прослеживается, поскольку первоначально коллегия консульных трибунов состояла из

* Дементьева Вера Викторовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории исторического факультета Ярославского государственного университета, директор Ярославского филиала Центра изучения римского права.

¹ Niebuhr B. *Römische Geschichte*. B., 1953. S. 570–574; Niebuhr B. *Vorträge über römische Geschichte*. B., 1846. Abt. 1. Bd. 1. S. 329–333; Schwegler A. *Römische Geschichte*. Tübingen, 1858. Bd. 3. S. 117; Lange L. *Römische Alterthümer*. B., 1876. Bd. 1. S. 646; De Sanctis G. *Storia dei Romani*. Firenze, 1967. Vol. 2. P. 54–56; Herzog E. *Geschichte und System der Römischen Staatsverfassung*. Leipzig, 1884. Bd. 1. S. 201; Моммзен Т. *История Рима*. М., 1887. Т. 1. С. 288; Konn У. *Римские древности*. М., 1868. С. 64; Герье В. И. *История Рима: Республиканский период*. 1889. С. 128, 144; Jones H. S. *Consular tribunate* // *The Cambridge Ancient History*. Cambridge, 1928. Vol. VII. P. 519; De Martino F. *Storia della costituzione Romana*. Napoli, 1958. P. 266.

² Niebuhr B. *Römische Geschichte*. S. 570–571.

трех человек³. В отличие от греческих государств, считал А. Шwegлер, в которых победа одной из сторон в политической борьбе, как правило, имела следствием новую конституцию, в Риме победа плебеев на данном этапе не привела к конституционному изменению формы правления, а только к участию их во властных структурах⁴.

Наиболее подробным образом мнение о сословной борьбе как основополагающей причине введения консулярного трибуната аргументировалось и последовательно защищалось Стюартом Стэвели⁵. Его доказательства были следующими. Введение консулярного трибуната неспроста совпало по времени с созданием в 443 г. до н. э. цензорской должности. Цензура стала для патрициев средством защиты против опасности, создаваемой заменой консулов военными трибунами с консульской властью. Тем самым прослеживается «жизненная связь» появления консулярного трибуната с сословной борьбой. То же подтверждается и отношением этой должности по законам Лициния – Секстия в 367 г. до н. э.: ликвидация магистратуры консулярных трибунов была связана с установлением принципа паритета сословного представительства в консулате, что знаменовало новую победу плебеев. Далее С. Стэвели акцентировал внимание на том, что если изъять в качестве причины введения должности военных трибунов с консульской властью сословную борьбу, то все описание в анналистической традиции событий 444–367 гг. до н. э. становится непонятным. Многочисленные конфликты между сенатом и плебейскими трибунами по вопросу о том, кого следует избрать – консулов или консулярных трибунов, теряют тогда всякий смысл. Таким образом, С. Стэвели рассматривал появление должности *tribuni militum consulari potestate* как решительную победу плебеев.

Контраргументация, приводимая в противовес данной точке зрения, сводилась прежде всего к тому, что до 400 г. до н. э. реально плебеи не принимали участия в этой магистратуре⁶. А если и принимали, то, как подчеркивал Ф. Эдкок, в первые четыре десятилетия такие случаи единичны⁷. Или, по замечанию Р. Ридли, всего лишь 400, 399, 396 и 379 гг. до н. э. отмечены у Ливия их присутствием в ней⁸. Начиная с К. Ю. Белоха, существовало также стремление доказать, что плебеев вообще не было в магистратуре консулярных трибунов на всем протяжении ее существования. К. Ю. Белох полагал, что имена плебеев в 400, 399, 396 и 379 гг. до н. э. были просто интерполированы из списка плебейских трибунов⁹. В роли последователя К. Ю. Белоха во второй половине XX в. выступил Дж. Пинсент¹⁰. В свою очередь, Р. Сили вообще не видел причин, по которым плебеям следовало бы бороться за должность консулярных трибунов, полагая, что она не приносила им достоинства обладателей *fascēs*¹¹. С. Стэвели отвечал оппонентам (как уже сформулировавшим свои выводы к моменту написания его статьи, так и потенциальным), что дело было в принципиальной возможности доступа к высшей исполнительной власти, но возможность – не есть немедленное воплощение в жизнь этого права: избиратели традиционно поддерживали привычных патрицианских руководителей общины, да и патриции оказывали сопротивление. Сам С. Стэвели находил, что плебеи участвовали в консулярном трибунате в 444, 422, 400, 399, 396, 383, 380, 379 и 378 гг. до н. э.¹²

Другой контрдовод проистекал из представления, что плебеи имели доступ в консулат ранее 367 г. до н. э., как это утверждал А. Бернарди¹³, поэтому не испытывали необ-

³ Schwegler A. Op. cit. S. 114.

⁴ Ibid. S. 109.

⁵ Staveley E. S. The Significance of the Consular Tribune // The JRS. 1953. Vol. 43. P. 30–36.

⁶ Cornelius F. Untersuchungen zur frühen römischen Geschichte. München, 1940. S. 59.

⁷ Adcock F. E. Consular Tribunes and Successors // JRS. 1957. Vol. 47. P. 9.

⁸ Ridley R. T. The «ConsularTribunate»: The Testimony of Livy // Klio. 1986. Bd. 68. P. 450.

⁹ Beloch K. J. Römische Geschichte bis zur Beginn der Punischen Kriege. B.; Leipzig, 1926. S. 251.

¹⁰ Pinsent J. Military Tribunes and Plebeian Consuls. The Fasti from 444 V to 342 V // Historia. 1975. H. 24. P. 32, 42.

¹¹ Sealey R. Consular Tribunes once More // Latomus. 1959. Vol. 18. P. 529.

¹² Staveley E. S. Op. cit. P. 34.

¹³ Bernardi A. Patrizi e plebei nella costituzione della primitiva repubblica romana // Rendiconti Istituto Lombardo. 1945–1946. Vol. LXXIX. P. 1.

ходимости в получении уступки в виде консулярного трибуната. Возражая на это, С. Стэвели опирался на консульские фасты, не находя в них для данного времени таких имен *gentes*, которые бы не были представлены патрицианскими семьями. Кроме того, он указывал, что, даже если плебеи и имели бы доступ в консулат до 367 г. до н. э., это не отменяло бы всяческих ухищрений и политических маневров патрициев с целью отрезать их от него, а следовательно, создание новой высшей должности на основе компромисса было важной вехой в противоборстве сословий.

Аврелио Бернарди исходил из названного тезиса о возможности участия плебеев в консулате до законов Лициния – Секстия и полагал, что до 426 г. до н. э. консулярный трибунал был представлен *tribuni celerum* (избиравшимися на куриатных комициях, а следовательно, являвшимися исключительно патрициями не по стечению обстоятельств избирательной кампании, а по предписанию законов), а потому приходил к выводу о заинтересованности именно патрициев в создании этой магистратуры¹⁴. Таким образом, А. Бернарди связывал причины возникновения консулярного трибуната с сословной борьбой, но расценивал его появление не как компромисс, достигнутый плебеями, а как реакционную меру, на которую пошли патриции, дабы укрепить свое влияние в структурах высшей исполнительной власти.

Итак, гипотезы, обуславливающие создание должности военных трибунов с консульской властью сословными конфликтами, в трактовке заинтересованности той или иной противоборствовавшей стороны в ее появлении диаметрально противоположны. При этом подавляющее большинство исследователей, отстаивавших неразрывную связь возникновения консулярного трибуната с борьбой плебеев за политические права, понимали его введение в государственное устройство как их успех; только А. Бернарди полагал, что нововведение было инициировано патрициями.

Другое направление в объяснении основополагающих причин возникновения должности *tribuni militum consulari potestate* находит их в военных потребностях Римской республики. К числу сторонников такого подхода принадлежали М. Целлер, Э. Корнеманн, В. Золтау, Ф. Альтхайм, Ф. Корнелиус, К. Ханель, Г. Дулькайт, Э. Мейер, О. Тойблер¹⁵. Суть их взгляда на причины создания консулярного трибуната состояла в необходимости для Рима увеличения числа командующих войсками в связи с увеличением количества театров военных действий, для которых уже не хватало двух консулов.

Главными доводами в пользу такой трактовки были: непостоянная численность коллегии (что можно объяснить конкретными военными потребностями определенного года), изменение которой согласовалось, на их взгляд, с интенсификацией военной деятельности Рима (например, увеличение числа членов коллегии до шести во время вспышки войны с Вейями¹⁶), а также военное происхождение данных магистратов (наделение консульскими полномочиями командиров войсковых подразделений) и патрицианский в подавляющем большинстве состав коллегии (для военных целей патриции были наиболее подходящими кандидатурами). Такой подход вызвал со стороны ряда историков активную критику, начало которой положил Вильгельм Хоффманн в рецензии на книгу Фридриха Корнелиуса¹⁷. Контраргументация не соглашавшихся с данной концеп-

¹⁴ Bernardi A. *Dagli ausiliari del rex al magistrati della respublica* // *Athenaeum*. 1952. Vol. XXX. P. 39–40.

¹⁵ Целлер М. Римские государственные и правовые древности. М., 1893. С. 195; Kornemann E. *Zur altitalische Verfassungsgeschichte* // *Klio*. 1915. Bd. 14. S. 203; Soltau W. *Zur römischen Verfassungsgeschichte* // *Philologus*. 1916. Bd. XXVIII. S. 524–529; Altheim F. *Römische Geschichte*. Frankfurt a. Main; Wiesbaden, 1951. S. 330; Altheim F. *Epoche der römischen Geschichte*. Frankfurt a. Main, 1934. S. 152; Cornelius F. *Op. cit.* S. 59; Hanell K. *Das altrömische eponyme Amt*. Lund, 1946. S. 199; Dulceit G. *Römische Rechtsgeschichte*. München; B., 1952. S. 28–29; Meyer Er. *Römischer Staat und Staatsgedanke*. Zürich; Stuttgart, 1961. S. 70–71; Täubler E. *Der römische Staat*. Stuttgart, 1985. S. 24.

¹⁶ Heurgon J. *The Rise of Rome to 264 BC*. L., 1969. P. 175. Эрнст Мейер считал, что во время войны с Вейями войска римлян насчитывали 600 всадников и 6 тыс. пехотинцев, составляя шесть подразделений, для которых требовалось шесть командующих: Meyer Er. *Op. cit.* S. 71.

¹⁷ Hoffmann W. *Friedrich Cornelius: Untersuchungen zur frühen römischen Geschichte*. München, 1940. 128 s. // *Gnomon*. 1943. Bd. 19, H. 2. S. 80–89.

цией исследователей сводилась к следующему. Увеличить число военных руководителей можно было назначением диктатора (с его заместителем начальником конницы), при подчинении которому как главнокомандующему могли действовать и консулы, – эта слабость военной интерпретации причин создания консулярного трибуната была подчеркнута еще Т. Моммзенем. Более принципиальное возражение состояло в том, что годы, в которых были избраны консулярные трибуны, часто были годами мира. Так, Рональд Ридли относил к таким годам 444, 438, 433, 432, 425, 424, 422, 420, 419, 417, 416, 387 и 384 гг. до н. э.¹⁸ Другие авторы давали свое перечисление мирных лет с консульским трибуналом.¹⁹ К тому же подчеркивалось, что решение избрать военных трибунов с консульской властью принималось прежде, чем потребность бороться с врагами на разных фронтах могла быть предсказана.²⁰ Кроме того обращалось внимание на частое назначение диктаторов в качестве главнокомандующих вместо консулярных трибунов во время серьезных войн и на длительное избрание шести трибунов ежегодно, независимо от внешнеполитической ситуации.²¹

В целом, несмотря на активную критику, гипотеза, объясняющая военными причинами возникновение консульского трибуната, в мировой историографии широко распространена. Собственно, даже ряд авторов, делавших главный акцент на сословной борьбе как социальной причине, породившей эту магистратуру, отмечали и военную необходимость в ней. В частности, Моммзен видел ее военную целесообразность²², а И. В. Нетышил признавал в равной мере и социальные, и военные предпосылки ее создания.²³ Энн Боддингтон отмечала, что, хотя не стоит слишком «нажимать» на военные факторы введения новой магистратуры, не благоразумно их вовсе игнорировать, поскольку имели место и военные цели, и ее военное значение.²⁴

Находясь, в целом, в русле «военной» концепции происхождения консулярного трибуната, Энн Боддингтон предложила свою оригинальную ее версию. Она сделала вывод, что изначально, на первом этапе своего существования, военные трибуны с консульской властью были «не альтернатива консулам, а приложение к ним»²⁵, в качестве «дополнительных коллег»²⁶. Затем, по ее мнению, произошла «радикальная перемена от приложения до альтернативы», реализованная или в 406 г. до н. э., или несколько позже, но не позднее 390 г. до н. э.²⁷ Причину такой замены она находила на военной почве. Ее гипотеза об эволюции магистратуры была призвана устранить то слабое место в «военном» подходе к объяснению возникновения консулярного трибуната, что в V в. до н. э. при нестабильном числе трибунов в коллегии их количество определялось прежде, чем становились известны реальные военные потребности Рима в том или ином году. В ее же трактовке консулярные трибуны этого времени в качестве дополнительных высших магистратов избирались непосредственно при ясности масштабов военных операций. Стремясь скорректировать другой уязвимый момент «военной концепции», Э. Боддингтон отмечала также, что потенциальная потребность в большом количестве военных руководителей могла иметь место и в годы сравнительного военного затишья: например, в год перемирия – 425 г. до н. э. – сохранялась возможность войны на двух отдельных фронтах, что могло обусловить избрание консулярных трибунов.

¹⁸ *Ridley R. T. Op. cit. P. 456.*

¹⁹ *Ferenczy E. From the Patrician State to the Patricio-Plebeian State. Budapest, 1976. P. 35: 422, 420, 419, 418, 417, 416, 415, 414 гг.; Staveley E. S. Op. cit. P. 32: 438, 434, 433, 432, 425, 424, 420, 419, 417, 416, 384 гг.*

²⁰ *Adcock F. E. Op. cit. P. 9; Werner R. Der Beginn der Römischen Republik. München; Wien, 1963. S. 284–285.*

²¹ *Staveley E. S. Op. cit. P. 31–32.*

²² *Mommsen Th. Römisches Staatsrecht. Leipzig, 1874. Bd. 2. S. 165.*

²³ *Нетышил И. В. Очерк римских государственных древностей. Государственное устройство Рима. Вып. 1. Харьков, 1894. С. 169–170.*

²⁴ *Boddington A. The Original Nature of the Consular Tribune // Historia. 1959. Bd. 8. P. 358.*

²⁵ *Ibid. P. 356.*

²⁶ *Ibid. P. 358.*

²⁷ *Ibid. P. 361–362.*

Мы видим, таким образом, что часто поиск причин возникновения должности *tribuni militum consulari potestate* ведется исследователями в той или иной сфере исходя из фактического применения магистратуры на всем протяжении ее существования. Это вполне естественно, так как обобщенный анализ ее функционирования дает историкам возможность попытаться понять, для чего она была нужна римлянам. Вместе с тем здесь может возникнуть противоречие такого плана: допустим, признание военной необходимости в консульском трибунате для IV в. до н. э., что имеет место, например, у Ф. Эдкока, не является достаточным для утверждения об изначальных причинах как чисто военных для введения должности в V в. до н. э.

В определенной связи с поисками в военной сфере обоснований создания консульского трибуната была сформулирована концепция об административных причинах, приведших к его возникновению. Суть ее состоит в представлении об увеличении административных потребностей, а именно в необходимости для выполнения управленческих функций большого количества магистратов (в том числе и с расширением военных задач). Предложенная К. Нойманном, эта точка зрения была воспринята и развита К. фон Фритцем²⁸. Данный автор усматривал возрастание функций гражданского управления как в административной сфере, так и в сфере юстиции. Основным аргументом в пользу этой гипотезы был анализ реорганизации исполнительной власти после 367 г. до н. э., когда были введены должности двух консулов, претора и двух курульных эдилов, т. е. вместо шести консульских трибунов оказалось почти такое же количество магистратов с тем же набором функций. Возражая данной трактовке, Ф. Эдкок отмечал, что административные потребности Рима были весьма постоянными, чтобы для этих функций требовалось то два консула, то три или четыре консульских трибуна, и, допустим, введение цензорской должности на следующий год после появления трибуната должно было уменьшить число военных трибунов с консульской властью²⁹. Также не соглашаясь с концепцией «административных потребностей», Рональд Ридли подчеркивал, что решение проблемы в ее рамках удовлетворяет логике развития государства в IV столетии, «но не может объяснить колебания между консулами и трибунами при беспорядочной их численности в V в.»³⁰.

Иной взгляд на процессы, приведшие к формированию должности военных трибунов с консульской властью, был впервые высказан в качестве краткого замечания Эдуардом Мейером³¹. Он сводился к тому, что консульский трибунал был порожден борьбой среди патрицианских *gentes* за доминирование в высшей магистратуре; борьба внутри правящей элиты привела к увеличению числа носителей верховной власти. В какой-то мере этот подход перекликается с точкой зрения А. Бернарди о заинтересованности именно патрициев в расширении состава высшей магистратуры. Но если Бернарди рассматривал создание консульского трибуната в контексте сословной борьбы, то Мейер считал, что оно не имело никакого отношения к конфликту патрициев и плебеев. Идея о том, что *tribuni militum consulari potestate* были учреждены для удовлетворения конкурентных устремлений патрицианских родов, расширения возможностей для реализации их политических амбиций, была воспринята Ульрихом фон Любтовым³². Наиболее же подробно она была разработана и наполнена конкретным содержанием Верой Кирби³³. Ею был проведен сравнительный анализ реального осуществления высшей магистратской власти представителями знатных родов, как до учреждения консульского трибуната, так и во время его существования. К большому сожалению, ее интересные подсчеты (заслужив-

²⁸ Neumann K. Die hellenistischen Staaten und die römische Republik. Leipzig, 1920. P. 386–388.; Fritz K. von. The Reorganisation of the Roman Government in 366 B. C. and the so-called Licinio-Sextian Laws // *Historia*. 1950. H. 1. P. 37–40.

²⁹ Adcock F. E. Op. cit. P. 10.

³⁰ Ridley R. T. Op. cit. P. 460.

³¹ Meyer Ed. *Kleine Schriften*. Halle, 1924. S. 303.

³² von Lübtow U. *Das Römische Volk: Sein Staat und sein Recht*. Frankfurt a. Main, 1955. S. 271.

³³ Kirby V. The Consular Tribunate and Roman Oligarchy // *Mundus antiquus*. Melbourne, 1976. Vol. 1. P. 24–29.

шие положительный отклик специалистов, не обративших внимания на математические несоответствия) сведены в таблицы весьма небрежно, с арифметическими ошибками, с погрешностями исчисления процентов, и не могут быть использованы в полной мере. При неясности, что с чем складывалось и как определялось процентное соотношение, оперировать результатами ее подсчетов нельзя. Общая же логика ее рассуждений (которая, видимо, не лишена оснований) сводится к тому, что, если до 444 г. до н. э. доминировали в высшей (консульской) магистратуре Валерии, Фабии, Вергинии и Ветурии, приближались к ним, находясь как бы во «втором эшелоне», Постумии, Фурии и Сервилии, то в консульском трибунате на первый план по частоте занятия должности вышли Корнелии, Фурии, Сервилии / Сергии при сохранении в этой группе Валериев (но при перемещении в иерархии с первой позиции на четвертую). По заключению В. Кирби, концентрация власти в руках группы родов в консульском трибунате была выше, чем в предшествовавшем консулате. При этом она определяет 14 трибунов, принадлежавших к родам, не имевшим консульства до 444 г. до н. э. Она признает наличие плебейских представителей, не соглашаясь с точкой зрения К. Ю. Белоха об интерполяции их имен. Находя их в общей сложности числом девять и отмечая незначительность этого количества, В. Кирби, тем не менее, не отказывается полностью от понимания введения консульского трибуната как вехи сословной борьбы (приводя аналогию: получение избирательного права женщинами в новейшей истории было заметной стадией в борьбе за их эмансипацию, несмотря на тот факт, что очень немногие из них занимают посты в современных государствах). То, что плебеев было избрано немного, она объясняет тимократической природой *comitia centuriata* как избирательного органа. Связывая свой главный тезис о возникновении консульского трибуната в результате борьбы внутри патрицианской элиты за максимальное обладание империей с признанием наличия сословных конфликтов, В. Кирби делает вывод, что в коллегии консульских трибунов стали доминировать те патриции, которые были вполне умеренно настроены к плебейам и которым плебеи симпатизировали. Разумеется, при определении лояльности тех или иных патрицианских родов плебейскому населению у нее возникли серьезные трудности, усугубленные сложностью, как она сама отмечает, выяснения «разницы между семейной репутацией и персоналиями»³⁴.

В целом, гипотеза, отстаиваемая В. Кирби, основывается на том, что «в V–IV вв. до н. э. римское общество управлялось узкой соревнующейся олигархией, которая была построена иерархическим образом»³⁵. Введение консульского трибуната рассматривается ею на этом фоне как победа определенных патрицианских родов, которые вели предварительную агитацию за создание данной должности. Усиление их политической роли автор стремится проследить и на примерах представительства в других магистратурах (диктаторы, начальники конницы, цензоры). То, что небольшой круг аристократических семей определял «большую политику» в Риме периода ранней Республики, не вызывает особых возражений. О том, что по времени появление консульского трибуната совпадает с перегруппировкой у «кормила власти» знатных родов, действительно свидетельствуют консульские фасты. Но, как верно заметил Р. Ридли, был ли консульский трибунал при своем возникновении предназначен, чтобы позволить провести изменение их политического влияния, «это, однако, другой вопрос»³⁶. К тому же, Ф. Эдкок обращал внимание на то, что если консульский трибунал потребовался для удовлетворения конкурирующих устремлений патрицианских родов, то странно, почему численность трибунов не была установлена постоянной, а долгое время колебалась³⁷.

Оригинальную гипотезу появления консульского трибуната (не столько в исторической реальности, сколько в античной традиции) высказал А. В. Коптев. Согласно его

³⁴ Kirby V. Op. cit. P. 27.

³⁵ Ibid. P. 29.

³⁶ Ridley R. T. Op. cit. P. 460.

³⁷ Adcock F. E. Op. cit. P. 10.

версии, существовало два уровня организации римского общества: уровень протогосударства (цифдом), который отражали консулы (преторы) и два трибуна плебса, а также уровень локальный, представленный децемвирами и десятью трибунами. «Борьба курiallyно-гентильного деления с новой территориальной организацией нашла отражение и в традиции о военных трибунах с консульской властью. Они избирались с 444 по 367 г. попеременно с консулами и плебейскими трибунами»³⁸. Далее А. В. Коптев добавляет, что число консулярных трибунов 3 (6) или 4 (8) выглядит как представительство либо трех, существовавших до Сервия Туллия, либо четырех триб, делая вывод: «Очевидно, такое положение отражает то состояние общества, которое традиция помещает в конце царского периода»³⁹. Следовательно, основная идея А. В. Коптева в данном случае сводится к тому, что консулярный трибуна́т есть результат построений античной традиции, отражавшей борьбу родовой и территориальной организаций: консулярные трибуны предстают в виде, так сказать, «историографического суррогата» реальных органов локального управления конца царской эпохи.

Представив имеющийся в историографии спектр мнений по поводу основополагающих причин создания консульского трибуната, обратимся к источникам, чтобы составить представление о том, какие из предложенных гипотез имеют в них реальную опору. Отвлекаясь от объяснения предпосылок его возникновения на основе обобщения обстоятельств последующего применения, обратим внимание на то, как сами античные писатели определяли причины появления должности военных трибунов с консульской властью.

Конкретных свидетельств по этому поводу у древних авторов немного. Диодор Сицилийский, многократно отмечающий функционирование в Риме коллегии консульских трибунов, говоря о самом первом их избрании, обходится только констатацией этого факта, без выяснения причинно-следственных связей⁴⁰. Наш главный латинский информатор, Тит Ливий, в качестве основной версии дает толкование этих событий как важный эпизод сословной борьбы (*Liv.* IV. 6. 1–11). В его изложении, в ходе обсуждения предложения Канулея о разрешении законных браков между представителями разных сословий, плебейские трибуны потребовали консульства для плебеев (IV. 1. 1–3). Стремясь сохранить монополию на консулат, патриции пошли на компромисс и «допустили избрание военных трибунов с консульской властью из патрициев и плебеев, в избрании консулов ничего изменено не было»⁴¹. Тут же Ливий добавляет, что «этим удовлетвоались и трибуны, и плебс»⁴². Еще раз к обоснованию причин возникновения консулярного трибуната Ливий возвращается в шестой книге своего труда, когда описывает последние случаи его применения. При этом он снова подчеркивает, что решение о создании этой магистратуры было принято, «чтобы и плебеям была доступна самая почетная должность»⁴³. Свидетельство Дионисия Галикарнасского, по которому принятие решения о введении консулярного трибуната описывается в контексте столкновения сословных интересов и мотивируется поиском их согласования (*Dionys.* XI. 56–61), полностью соответствует такой трактовке Ливия. При этом Дионисий подчеркивает достижение именно паритета сословного представительства в новой магистратуре: «вместо консулов выбрать военных трибунов, троих из патрициев, троих из плебеев»⁴⁴.

Аналогичное Ливию и Дионисию описание условий и предпосылок появления консулярного трибуната дает юрист II в. н. э. Помпоний, интересующий нас фрагмент сочине-

³⁸ Коптев А. В. Античная форма собственности и государство в Древнем Риме // ВДИ. 1992. № 3. С. 19.

³⁹ Там же. С. 19.

⁴⁰ *Diod.* XII. 32. 1: Τοῦ δ' ἐνιαυσίου χρόνου διελθόντος Ἀθήνησι μὲν ἦρχεν Εὐθυμένης, ἐν Ῥώμῃ δ' ἀντὶ τῶν ὑπάτων χιλιάρχοι κατεστάθησαν τρεῖς, Αὔλος Σεμπρόνιος, Λεύκιος Ἀτίλιος, Τίτος Κόρινθος.

⁴¹ *Liv.* IV. 6. 8: ...tribunos militum consulari potestate promiscue ex patribus ac plebe creati sinerent, de consulibus creandis nihil mutaretur.

⁴² *Ibid.* ...eoque contenti tribuni, contenta plebs fuit.

⁴³ *Ibid.* VI. 37. 5: ...ut et plebeis pateret summus honos...

⁴⁴ *Dionys.* XI. 60. 10: ...ἀντὶ τῶν ὑπάτων χιλιάρχους ἀποδεχθῆναι, τρεῖς μὲν ἐκ τῶν πατρικίων, τρεῖς δ' ἐκ τῶν δημοτικῶν...

ния которого сохранился в Дигестах (Dig. 1. 2. 2. 25). Констатируя сословный конфликт после принятия законов XII таблиц, он отмечает, что «плебс боролся с патрициями и хотел избирать консулов из своего сословия, а патриции не соглашались, и было допущено, чтобы избирались военные трибуны с консульской властью, частью из плебеев, частью из патрициев»⁴⁵. Это же мнение о сути причин, повлекших за собой создание консульского трибуната, понимание решения патрициев как определенной уступки плебеям в ответ на их требование допуска в консулат (но не как полного удовлетворения их притязаний на высшую исполнительную власть), присутствует и у Иоанна Зонары. Византийский историк доносит до нас решение не просто избирать часть коллегии консульских трибунов из плебеев, как это делает Помпоний, а сохраняет трактовку Дионисия Галикарнасского о количестве мест, узаконенных в магистратуре для представителей каждого сословия: «согласились от каждой из двух сторон избирать трех военных трибунов вместо двух консулов»⁴⁶.

Таким образом, Тит Ливий, Дионисий Галикарнасский, Помпоний и Иоанн Зонара демонстрируют нам свое понимание предпосылок возникновения консульского трибуната, усматривая их в сословной борьбе и расценивая создание данной магистратуры как один из важных взаимоприемлемых результатов этой борьбы. Следовательно, сторонники концепции о социально-политическом компромиссе как основополагающей причине оформления должности *tribuni militum consulari potestate* имеют существенную поддержку в виде признания этой причины древними авторами. Однако подобную поддержку (хотя и реже фиксируемую в текстах античных историков) имеют также сторонники теории о военных потребностях как решающих при возникновении новой магистратуры.

Представление античных авторов о военной необходимости в большом числе командующих, приведшей к возникновению консульского трибуната, приводит все тот же Тит Ливий, однако на сей раз это не собственно его мнение, а точка зрения отдельных его информаторов. Он свидетельствует следующее: «Некоторые считают, что по причине присоединения к войне с эквами, вольсками и отложившимися ардеями войны с вейянами, поскольку два консула не были в состоянии одновременно принять участие в стольких войнах, были избраны три военных трибуна, – без упоминания законодательного предложения об избрании консулов из плебеев, – с наделением империем и консульскими инсигниями»⁴⁷. В какой-то мере наличие фактора военной необходимости (если не собственно для создания консулярного трибуната, то для периодического перехода к нему) в исторической памяти римлян фиксирует Дион Кассий, когда в сороковой книге своего труда излагает государственные неурядицы 53 г. до н. э., сопровождавшиеся многомесячной вакантностью высшей ординарной магистратуры. Его слова свидетельствуют, что в обстановке внутренней неразберихи и нерешаемых внешнеполитических задач плебейские трибуны внесли предложение: для того чтобы иметь должностных лиц, ввести вместо консулов военных трибунов, которые некогда были учреждены⁴⁸. Дж. Ротонди понимал это сообщение Диона Кассия предположительно как рогацию⁴⁹. Даже если это не был законопроект, а всего лишь высказанная рекомендация, в любом случае речь идет о том, что римляне сохраняли представление о возможности использования консулярного трибуната в сложных, в том числе и военных, и внутривнутриполитических, ситуациях. Исследователи консулярного трибуната, как правило, не привлекают этот фрагмент; нам же он кажется весьма интересным.

⁴⁵ D. 1. 2. 2. 25: ...plebs contenderet cum patribus et vellet ex suo quoque corpore consules creare, et patres recusarent, factum est ut tribuni militum crearentur partim ex plebe, partim ex patribus consulari potestate...

⁴⁶ Zonar. VII. 19: ...τρεῖς ἀφ' ἐκατέρων χιλιάρχους ἀντὶ τῶν δύο ὑπάρχων αἰρεῖσθαι συνέδοξεν.

⁴⁷ Liv. IV. 7. 2: Sunt qui propter adiectum Aequorum Volscorumque bello et Ardeatium defectioni Veiens bellum, quia duo consules obire tot simul bella nequirent, tribunos militum tres creatos dicant, sine mentione promulgatae legis de consulibus creandis ex plebe, et imperio et insignibus consularibus usos.

⁴⁸ Dio Cass. XL. 45: ...κατέθετο πάντες δὲ οἱ δήμαρχοι ἄλλας τε σκῆψεις ἐμποδίου ἐσέφερον, καὶ χιλιάρχους ἀντὶ τῶν ὑπάρχων, ὅπως πλείους ἀρχόντες ὥσπερ ποτὲ ἀποδεικνύονται, καθίστασθαι ἐσηγοῦντο.

⁴⁹ Rotondi G. *Leges publicae Populi Romani*. Hildesheim, 1962. P. 79, 408.

Таким образом, мы видим, что как точка зрения о происхождении консульского трибуната на почве сословной борьбы (именно в виде компромисса и уступки плебейам, а не в качестве решения, удовлетворявшего патрицианским интересам), так и мнение о военном факторе, вызвавшем его появление, присутствуют в античной историографии и подкрепляют исследовательские гипотезы. О расширении административных задач в сфере гражданского управления как непосредственном поводе для создания должности военных трибунов с консульской властью никто из римских и греческих писателей не обмолвился, хотя они, в целом, позволяют нам судить об интенсификации государственной жизни с середины V столетия. Что же касается концепции о том, что к возникновению данной должности привела конкуренция между патрицианскими родами, то ни один античный автор не только не осмысливал так ситуацию 40-х гг. V в. до н. э., но и не рисовал картину серьезного внутripатрицианского соперничества (сопоставимого по масштабам с сословной борьбой). Это не означает, разумеется, что современные историки не могут видеть причины глубже историков древних. Они не только могут, но и должны это делать. Использование консульского трибуната для удовлетворения амбиций отдельных патрицианских родов, так же как использование других ординарных и неординарных структур в этих целях (например, противоборствующие группировки патрицианских *gentes* использовали до конца IV в. до н. э. такой институт, как *интеррегнум*⁵⁰), конечно же, имело место. Но использовать уже имеющуюся магистратуру – это одно, а инициировать конституционные изменения с целью продвижения в иерархически организованной правящей элите – это другое. Во всяком случае, в условиях принятия таких изменений всей массой граждан эта причина не выглядит достаточно реальной.

По поводу гипотезы А. В. Коптева можно сказать следующее. Данными античной традиции ее нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть, ибо теория строится на том, что представление в традиции о консульском трибунате есть не вполне адекватное (по датировке и характеру) отражение борьбы родовой и территориальной организации. Неадекватное по датировке – потому что должно быть отнесено к концу царского периода, неадекватное по характеру – локальный уровень представлен был, если строго следовать автору гипотезы, децемвирами и десятью трибунами, а консульские трибуны есть результат постоянного смешения в традиции двух уровней организации⁵¹. К тому же утверждается, что, согласно традиции, консульские трибуны «избирались попеременно с консулами и плебейскими трибунами», хотя античные авторы помещали их попеременно с консулами, но всегда одновременно с плебейскими трибунами. В целом, получается, что в основе данного логического построения лежит недоверие к конкретным сведениям античной традиции о времени существования консульского трибуната и связанных с ним политических реалиях. Следовательно, реконструкция А. В. Коптева лежит в иной системе координат, чем все иные концепции причин возникновения магистратуры военных трибунов с консульской властью. Фактически она отрицает консульский трибунал как магистратуру римской республиканской политической системы, и в таком статусе не принимается нами. Однако в ней есть, на наш взгляд, то рациональное зерно, что консулат и консульский трибунал (если все-таки признать его историческую реальность) есть порождение разных систем организации власти, только, на наш взгляд, отличавшихся не по родовому и территориальному делению, а по целевому назначению.

Другая особняком стоящая точка зрения, отстаиваемая Р. Бунзе, в плане поиска причин возникновения консульского трибуната совершенно бесплодна, ибо автор считает мнимым сам факт его введения, не находя для этого «никакого логического объяснения» и целиком отвергая мотивацию античными авторами потребностей в нем⁵². Версию со-

⁵⁰ См.: Дементьева В. В. Римское республиканское междуцарствие как политический институт. М., 1998. С. 107–108.

⁵¹ Коптев А. В. Античная форма собственности и государство в Древнем Риме... С. 19.

⁵² Bunse R. Das römische Oberamt in der frühen Republik und das Problem der «Konsulartribunen». Trier, 1998. (Bochumer Altertumwissenschaftliches Colloquium. Bd. 31.) S. 100–102.

словной борьбы он считает несостоятельной, поддерживая гипотезу об интерполяции плебейских имен, исходя также из представлений о невозможности для плебеев в V – первой половине IV в. до н. э. совершать ауспиции, а следовательно, занимать высшие должности. Версию о военной необходимости, вызвавшей к жизни консулярный трибунат, он отвергает, полагая невозможным представить ситуацию, при которой римлянам в означенный период требовалось бы сражаться на шести или более театрах военных действий. Разумеется, ни одна из гипотез, объясняющих возникновение магистратуры *tribuni militum consulari potestate*, не может устроить автора, уверенного в том, что кроме трех преторов до законов Лициния – Секстия нельзя найти в римском государственном устройстве иной коллегии высших магистратов.

Изложив мнения не только современных, но и античных историков о причинах возникновения консульского трибуната, сформулируем собственное их видение. На наш взгляд, создававшаяся в 445–444 гг. до н. э. новая коллегия высших должностных лиц вводилась как чрезвычайная. Иными словами, она предназначалась, как всякая экстраординарная магистратура, для критических ситуаций как таковых, независимо от их конкретного наполнения. Этими сложными ситуациями могли быть и острые проявления сословных конфликтов, и обстановка внешних войн. Поэтому мы определяем причины, обусловившие появление консулярного трибуната, как потребности римской общины в еще одной чрезвычайной структуре. В отличие от уже имевших место в государственном устройстве единоличных неординарных магистратур (интеррекса и диктатора) возникла необходимость в «многоместной» экстраординарной коллегии. Такое представление о причинах создания должности *tribuni militum consulari potestate* не отрицает ни одного из свидетельств античных авторов; более того, оно их объединяет самым непротиворечивым образом (даже если они, на первый взгляд, не согласуются друг с другом). К тому же, если каждая из предложенных в историографии концепций обоснования причин введения консулярного трибуната (фиксирующих один фактор общественной жизни в качестве определившего появление новой магистратуры) имеет, как мы видели, серьезные контраргументы, то при нашей трактовке все эти доводы против теряют свое значение. Снимается в контексте нашего подхода, например, тот главный тезис, которым обосновывается уязвимость гипотезы о сословной борьбе как побудительной причине для создания данной должности: сравнительно редкое и осуществленное спустя значительный промежуток времени после возникновения магистратуры представительство в ней плебеев (этот тезис сохраняет свой вес только при исключении других предпосылок и рассмотрении этой как самодовлеющей). Точно так же основное доказательство слабости теории о военных причинах, вызвавших к жизни консулярный трибунат, – ряд мирных лет, отмеченных его существованием, – является таковым, только если эти военные причины рассматриваются как единственные и абсолютизируются. Понимание консулярного трибуната как экстраординарной должности дает нам возможность видеть причины перехода к нему как чрезвычайные по характеру, но различные в конкретных проявлениях внутренней и внешней угрозы стабильному существованию общины. При чем переход этот производился, когда масштабы такой угрозы становились очевидными. Если же, как мы видели, рассматривать консулярный трибунат как ординарную магистратуру, то не избежать шаткости основных опор любой теории причин ее появления: перед началом административного года невозможно предусмотреть количество театров военных действий, требуемое число командующих и так далее.

Итак, мы отказываемся от выбора: либо социально-политические, либо военные причины, как это чаще всего делается в историографии, и вместе с тем не просто говорим, что имел место их комплекс. Мы убеждены, что создавалась высшая чрезвычайная военно-гражданская магистратура, необходимость в которой определялась ростом на определенном этапе трудностей поддержания жизнеспособности *civitas* в условиях усложнения социальных и политических процессов, внешней обстановки и при некотором отставании необходимых изменений в звеньях ординарной исполнительной власти. Для выработки принципа оптимальной реорганизации ординарных структур требовалось больше

времени; не вполне продуманные эксперименты с ними были опасны. Против же негативных последствий перехода к чрезвычайной, даже единоличной власти римляне уже имели защитные механизмы. На какой-то период создание новой экстраординарной должности позволяло решить ряд проблем. Приведенное нами свидетельство Диона Кассия (*Dio Cass.* XL. 45) красноречиво говорит, что через четыре столетия римляне помнили об этой магистратуре как способной помочь государству выйти из кризисной ситуации, как предназначавшейся для решения внутривластных и внешнеполитических проблем.

В связи с нашим пониманием причин введения консульского трибуната обратимся еще раз к точке зрения Энн Боддингтон⁵³. Ее мысль о том, что поначалу эта должность была «не альтернативой, а приложением» к консулату, импонирует нам. Принимая эту формулировку с некоторой поправкой: «не альтернатива, а дополнение», мы понимаем ее, правда, не так, как сама Энн Боддингтон. Если она считала, что, будучи «приложением» к консулам, трибуны действовали как их добавочные коллеги по ординарной магистратуре, под консульским руководством, то мы оцениваем соотношение этих должностей иначе, поэтому усматриваем их «не альтернативность» в другом. Мы полагаем, что консульский трибунал не был альтернативой консулату в том смысле, как одна высшая ординарная магистратура альтернативна другой высшей ординарной (и выбор заключался бы в том, какую из двух сохранить в государственном устройстве, а от какой отказаться). Он был конституционным дополнением для применения в кризисных ситуациях, как всякая экстраординарная коллегия является таковой по отношению к ординарной, как в целом система органов чрезвычайной власти дополняла в Риме обычные структуры. Мы не согласны также, что консульский трибунал перестал быть «не альтернативой» консулам в конце V – начале IV в. до н. э., как это видится Э. Боддингтон. Она утверждает, что военные трибуны с консульской властью, перестав быть «приложением» к консулату, стали с этого периода действительно альтернативой ему. Мы же думаем, что, являясь звеньями разных систем власти в Риме – экстраординарной и ординарной, – они на всем протяжении существования трибуната не могли быть альтернативой друг другу в политической системе республиканского Рима. Консулат сохранялся как единственная высшая ординарная магистратура, количество же чрезвычайных магистратур было расширено за счет консульского трибуната. Альтернатива была для римлян в определенные моменты в том, какую магистратуру – чрезвычайную или обычную – предпочесть, но в государственной организации они существовали, в принципе, параллельно, предназначенные для разных целей и обстоятельств. Иное дело, что консульский трибунал стал альтернативой диктатуре, как одна экстраординарная магистратура другой экстраординарной (и то, что на смену военным трибунам часто приходили диктаторы, свидетельствует о поисках наиболее эффективного механизма чрезвычайной власти). Доказательства того, что консульский трибунал был неординарной структурой по способу функционирования, мы изложим в качестве отдельного вопроса, сейчас же только констатируем наше понимание причин его возникновения как потребностей римской общины для ее самосохранения в «многочленной» должности на критический случай. Необходимость в «многоместной» чрезвычайной структуре возникла, видимо, и для осуществления плебейского представительства именно в периоды обострения сословных конфликтов, и для одновременного решения военных задач на нескольких театрах военных действий.

Таким образом, побудительные мотивы, заставившие римлян пойти на своеобразный эксперимент в сфере высшей исполнительной власти, в нашей исторической модели, не отрицающей ни одного их толкования античными авторами, а обобщающей их, сводятся к необходимости решения вставших перед общиной задач, с которыми трудно было справиться в рамках структур ординарной власти (процесс формирования которых был еще далеко не завершен), а имевшиеся единоличные экстраординарные магистратуры не

⁵³ Boddington A. Op. cit. P. 356–364.

всегда удовлетворяли сложившейся ситуации. Поэтому была предпринята попытка создания еще одной чрезвычайной магистратуры, с использованием принципа коллегиальности, что в определенной мере привело в дальнейшем к восприятию ее в историографии как альтернативной консулату, т. е. призванной заменить консулат в качестве высшей ordinarily структуры исполнительной власти.

V. V. DEMENTIEVA

**L'ORDINE DELL'ELEZIONE E DELLA
CESSAZIONE DEI POTERI DEI TRIBUNI
MILITARI CONSOLARI**

(RIASSUNTO)

Nell'articolo viene esaminata la procedura dell'entrata alla suprema carica esecutiva dei tribuni militari consolari e quella della sua cessazione. L'Autrice conclude che sia l'investitura dei *tribuni militum consulari potestate*, sia le loro dimissioni, erano regolate da un meccanismo giuridico e da una pratica politica fondata su di esso.

Secondo la tesi dell'A., condizione necessaria e sufficiente, affinché la comunità fosse sottoposta al governo di questi magistrati, era una risoluzione del Senato non soggetta alla votazione dell'assemblea popolare. L'approvazione dei cittadini era necessaria soltanto all'inizio, al momento di adottare una legge sull'introduzione della carica magistratuale nella costituzione romana, e poi solo in caso di modifiche del numero dei magistrati. La pressione dei tribuni della plebe sui senatori, allo scopo di approvare il senatoconsulto sull'introduzione del tribunato consolare, non aveva carattere giuridico, ma consisteva in discussioni politiche e agitazioni delle masse plebee; questa, infatti, non poteva esercitarsi analogamente all'utilizzo dell'intercessione contro gli atti dei magistrati. Il Senato poteva accettare le rivendicazioni dei capi della plebe, oppure poteva non cedere alla loro pres-

sione e poteva, infine, elaborare una risoluzione di compromesso. L'A. non appoggia l'opinione secondo cui il Senato affidava al magistrato che presiedeva i comizi elettorali il compito di definire all'ultimo momento chi dovesse essere eletto, consoli oppure tribuni militari consolari.

I componenti del collegio erano eletti, secondo l'opinione dell'A., dai comizi centuriati (le ipotesi delle assemblee tribute e curiate non sono da accettare). Potevano presiedere alle elezioni i consoli, i dittatori, gli interre e i tribuni militari consolari. Potevano presentare la propria candidatura per il tribunato consolare i comandanti militari con il grado di tribuno militare, sia quelli effettivi, sia quelli non più in carica. L'atto finale di investitura era quello dell'approvazione da parte dei comizi curiati di una legge che concedeva loro l'*imperium*.

La cessazione della carica di tribuno militare consolare poteva essere anticipata, sotto la pressione del Senato, oppure poteva aver luogo alla fine dell'anno amministrativo. Se nel corso della loro carica veniva introdotta la dittatura, per il periodo del suo funzionamento, i poteri dei tribuni consolari venivano sospesi.